

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО ЗА РУКОВОДСТВО НА «ТУРЕЦКОМ ОПЕРАТИВНОМ ТЕАТРЕ» В ПЕРИОД «СТРАННОЙ ВОЙНЫ»

Правительства Англии и Франции в первые месяцы второй мировой войны подчинили свою политику расчету на трансформацию межимпериалистического столкновения в объединенный поход международной реакции против СССР. На Ближнем и Среднем Востоке этот курс вылился в многообразные усилия по созданию «мусульманского фронта против большевизма».

Империалистические круги Англии и Франции устами современных буржуазных историков стремятся переложить друг на друга ответственность за антисоветские проекты периода «странный войны». Между тем в свое время вопрос о лидерстве в их реализации вызывал острое противоборство союзников. 7 сентября 1939 г. начальник имперского генерального штаба Великобритании генерал Э. Айронсайд вывел в своем дневнике: «Наша стратегия на Ближнем Востоке должна быть имперской стратегией, и важно, чтобы она никогда не была подчинена французскому командованию»¹.

С началом советско-финляндского вооруженного конфликта развернулась обработка Турции Англией и Францией с целью ее вовлечения в открытые антисоветские действия под предлогом помощи Финляндии и отражения «советской угрозы Востоку». Вскрылись и различия в подходе Лондона и Парижа к этому вопросу. По данным военного советника французского МИД полковника П. Вийелюма, на Кэ д'Орсэ отрицали необходимость участия Турции в военных действиях против СССР и высказывали готовность удовлетвориться ее согласием на свободное использование союзниками черноморских проливов и баз на турецкой территории. Форин Оффис, напротив, настаивал на непосредственном участии турок в антисоветских операциях².

За расхождением позиций стояла вполне прозаическая причина: вопрос о том, кому расплачиваться за турецкое соучастие.

Некоторая часть правящих кругов Турции в условиях советско-финляндского вооруженного конфликта проявила заметную склонность к авантюризму. Это отразилось в изменившемся тоне обычно осторожных дипломатов. Генеральный секретарь

¹ The Ironside Diaries (1937—1940). L., 1963, p. 105.

² Villelume P. Journal d'une défaite (Août 1939—Juin 1940). P., 1976, 125.

турецкого МИД Н. Менеменджиоглу 8 декабря 1939 г. в Лондоне сделал Галифаксу следующее заявление о перспективах советско-турецких отношений: «Он (Советский Союз.— В. Б.) больше заинтересован в поддержании добрых отношений с Турцией, нежели Турция в поддержании добрых отношений с ним»³. В турецкой прессе, не связанной дипломатическими политическими, обрел второе дыхание отвергнутый во времена Ататюрка пан-тюркизм. Выдвигались открытые притязания на Баку и Батуми⁴. В духе старой реакционной доктрины «государства Туран» обширные территории СССР — Урал, Башкирия, Западная Сибирь, Казахстан — именовались «чисто турецкими районами» и «восточными турецкими провинциями»⁵.

В американской печати высказывалось предположение, что западные союзники собирались расплачиваться с Турцией нефтеносными районами Советского Закавказья⁶. Но в англо-французском блоке не было такого единодушия. Лондон избегал делать подобные авансы туркам. В самой Англии было достаточно претендентов на обладание советскими нефтепромыслами: «Нью Шибаев петролеум компани», «Норс кокэйзиэн ойл филдс», «Урал Кэспиэн ойл корпорэйшн» — последние изгнанных Великим Октябрем английских «хозяев» бакинской нефти — еще не утратили надежды повернуть историю вспять, они регулярно проводили отчетные собрания, на которых вели счет убыткам⁷. Это делает вполне объяснимой сдержанность шефа Северного департамента Форин Оффиса Л. Колиэ, памятная записка которого от 8 марта 1940 г. гласит: «Если действительно правда, что ценой за турецкую помощь против России является передача всего района от турецкой границы до Ростова, то боюсь, что цена эта слишком высока»⁸.

В британских правящих кругах существовала влиятельная группировка, выступавшая за то, чтобы расплатиться с Турцией арабскими территориями за счет главным образом ближневосточных владений Франции. Для этого имелся прецедент: франко-турецкое соглашение от 23 июня 1939 г. о передаче Турции части сирийской территории — так называемого Александреттского санджака, или Хатая, — в качестве платы за политическое сближение с англо-французским блоком.

В буржуазной историографии бытует следующее преувеличение значения соглашения об Александреттском санджаке: «В середине 1939 г. Турция стала державой статус-кво, поскольку ее ревизионистские требования были удовлетворены»⁹. Од-

³ PRO, FO. 424/283, N 144, p. 159.

⁴ Aksam, 1940. 10, 14.2.

⁵ Son Posta, 1940. 14.2.

⁶ Foreign Policy Reports, 1940, March 15, p. 16.

⁷ См.: Petroleum Times, 1940, July 27, p. 46.

⁸ Цит. по: Militärgeschichtliche Mitteilungen, 1974, N 2, S. 108.

⁹ Там же М. The Warrior Diplomats. Salt Lake City, 1976, p. 202.

нако соглашение об Александреттском санджаке и подписание англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи 19 октября 1939 г. не устранили окончательно франко-турецких противоречий по территориальным вопросам на Ближнем Востоке. Более того, из Лондона искусственно подогревали турецкие притязания на новые территориальные приращения за счет Сирии. В годовом политическом отчете от 29 декабря 1939 г. английский посол в Анкаре Нэтчбулл-Хьюджессен отмечал: «Державой, которую Турция рассматривает как своего реального и основного союзника, является Великобритания. Турция, несомненно, предпочла бы двусторонний договор и согласилась на включение Франции скорее потому, что эта страна — наш союзник, чем из-за каких-либо собственных чувств по отношению к ней. Переговоры о Хатае породили значительное количество трений, и даже после подписания договора есть явные признаки, что турецкое правительство предпочитает иметь дело с нами и доверять только нам»¹⁰.

Когда готовилось подписание англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи, в Париже допускали, что в случае необходимости в рамках совместного отпора державам фашистского блока Турция пошлет свои войска в Сирию и Палестину, до Суэцкого канала¹¹. Но то, что готовилось в Лондоне, превосходило все допущения французов и подтверждало тревогу, которую выражала широкая часть арабского общественного мнения в связи с заключением англо-франко-турецкого пакта, посредством которого на Турцию могла быть возложена роль жандарма в арабских странах с возможными территориальными уступками за их счет в качестве компенсации. Осенью 1939 г. во время лондонских переговоров с Х. Вейцманом, лидером сионизма, англичане обусловили свою поддержку созданию «еврейского национального очага» требованием поддержать Турцию в ее экспансии к югу. При этом аргументация была достаточно откровенной: «Турки знают, как обращаться с арабами и способны поставить их на место»¹².

В печать просочились слухи о предполагаемой перекройке карты Ближнего Востока. Обсуждалось несколько вариантов, сходящихся в одном: разменной монетой должны были стать арабские земли, и прежде всего территория подмандатной Сирии. Американский журнал «Эйша» по этому поводу заключал: «Какие бы изменения ни предполагались на карте Ближнего Востока, результатом они будут иметь сокращение французских владений»¹³. Новые проекты напоминали довоенный план объединения ряда арабских государств — Сирии, Ливана, Палестины, Трансиордании в рамках «Великой Сирии» под эгидой

¹⁰ PRO, FO. 424/284, N 5, p. 7.

¹¹ France Militaire, 1939. 2. 9.

¹² Meinertzhagen R. Middle East Diary 1917—1956. L., 1959, p. 182.

¹³ Asia, 1939, Nov., p. 626.

Хашимитской династии. Вместе с тем создание арабской федерации подавалось в увязке с удовлетворением требований сионистов и «вознаграждением» Турции за антисоветский курс. По сведениям журнала «Эйша», Турция должна была получить северную часть Сирии с Халебом и Джазирой, Остаток Сирии предполагалось объединить с Трансиорданией под властью эмира Абдуллы¹⁴. Британские империалисты таким образом рассчитывали потеснить своих французских конкурентов на Ближнем Востоке, привлечь Турцию к подавлению арабского национально-освободительного движения и, наконец, оплатить соучастие турок в антисоветской интервенции.

Зимой 1939/40 г. британская дипломатия готовила обоснование нового раздела Сирии. Отвечая на запрос Форин Оффиса, английский консул Дэвис 12 января 1940 г. в сообщении из Халеба дал картину нежизнеспособности Хатая без Северной Сирии, составлявшей с ним единый экономический комплекс: Северная Сирия являлась рынком для всей его продукции, а Александреттский порт обеспечивал всю транзитную торговлю Халеба и Джазиры. С переходом санджака под власть Турции из-за прекращения традиционных связей в Хатае наблюдалось резкое сокращение деловой активности. Турецкие власти не могли обеспечить из местных ресурсов даже жалование чиновникам¹⁵. Формальным обоснованием для выдвигания новых вариантов раздела Сирии был временный характер соглашения от 23 июня 1939 г. Передача в соответствии с ним части сирийской территории под власть Турции была предварительным условием для подписания в тот же день франко-турецкой декларации о взаимопомощи и после заключения англо-франко-турецкого союза 19 октября 1939 г. подлежала дальнейшему международно-правовому оформлению¹⁶. Формальная незавершенность этого вопроса создавала почву для трений вплоть до подписания 31 марта 1940 г. турецко-сирийской конвенции о дружбе и добрососедстве, которая подтвердила условия временного соглашения от 23 июня 1939 г. и закрепила новую границу между Турцией и французским мандатом¹⁷.

15 февраля 1940 г. в Лондоне в Королевском Центральном Азиатском обществе¹⁸ состоялось заседание, на котором обсуждался вопрос о Ближнем Востоке и особо о сирийском округе Джазира. Общество выдвинуло проект федерации государств Восточного Средиземноморья: Турции, Сирии, Палестины и

¹⁴ Ibid., p. 628.

¹⁵ PRO, FO. 424/284, N 17, p. 26.

¹⁶ См.: Тарасов П. К. Присоединение Турции к англо-французскому блоку накануне второй мировой войны. — В сб.: Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1966, ч. 1, с. 66—67.

¹⁷ Le Temps, 1940. 1—2. 4.

¹⁸ Привилегированное объединение британских подданных, внесших признанный вклад в систему британского влияния в Азии. Насчитывало около 1800 членов.

Трансиордании. Материалы заседания отличает жесткий подход по отношению к союзной Франции, которой надлежало понять, что «Сирия перестала быть большой дорогой проникновения в Центральную Азию, а стала просто тупиком, отягощенным непомерной ответственностью без соответствующей отдачи», и смириться с необходимостью «честно и на выгодных условиях удалиться»¹⁹.

Проект федерации стран Восточного Средиземноморья, вызревший во влиятельных колониальных кругах, поставил 6 марта на обсуждение парламента Л. Эмери — видный деятель консервативной партии, неоднократно занимавший министерские посты в правительстве Англии. Он достаточно твердо заявил, что разделу старого турецкого вилайета на Сирию и Палестину никогда не было оправданий, но о путях воплощения проекта высказался весьма уклончиво: «Столь удачно достигнутая к настоящему времени идентичность политики и целей Франции и Британии, и сердечная дружба Турции в отношениях с обеими наводят на мысль о средствах превращения невозможного в практическое»²⁰.

Все это приподнимает завесу над подоплекой ревнивого отношения Франции к вопросам лидерства в союзной стратегии на Ближнем Востоке. При подготовке англо-франко-турецкого пакта стороны согласовали, что Париж направит на Ближний Восток «высокопоставленную военную персону» для координации совместных действий. Координирующая роль французского командования получила отражение в согласованных предварительных проектах англо-франко-турецкой военной конвенции в июле 1939 г.²¹ Окончательный текст конвенции, подписанной одновременно с политическим договором 19 октября 1939 г., оставлял неопределенным вопрос о механизме руководства общей стратегией²². Франция, направив на Ближний Восток в качестве «высокопоставленной военной персоны» генерала М. Вейгана, не сумела закрепить за ним роль координатора военной политики союзников по Анкарскому пакту.

Впрочем французы и лично Вейган не прекращали добиваться фактического руководства, несмотря на сопротивление турок и англичан. В конце января 1940 г. Вейган посетил Анкару, где провел переговоры с начальником турецкого генштаба маршалом Ф. Чакмаком. Примечательные выводы по итогам визита сделал итальянский военный атташе в Анкаре. Он отметил нежелание турок признавать за Вейганом право на вмешательство в их военные дела. Его полномочия признавались только в пределах командующего французскими силами на Ближнем Вос-

¹⁹ См.: Royal Central Asian Journal, 1940, July, p. 341.

²⁰ The Spectator, 1940, March 8.

²¹ Bourget P.-A. De Beyrouth a Bordeaux. La guerre 1939—40 vue du P.C. Weygand. P., 1946, p. 3—4.

²² PRO, Cab 66/2, WP(39)63, ann. B, p. 80—82.

токе, но не союзными. Все это расценивалось как доказательство сохранения претензий Турции на северную часть Сирии²³.

В феврале в штабе главнокомандующих сухопутных сил Франции генерала Гамелена завершалась разработка «Плана войны на 1940 г.». Дневник полковника Вийелюма сообщает, что проект «Плана» предусматривал следующее распределение приоритетов в руководстве союзной стратегией на Ближнем и Среднем Востоке: «турецкий оперативный театр» должен был быть подчинен французскому командованию, англичанам отводилось управление возможными операциями на территории Ирана, Ирака и в Черном море²⁴. Оставалось согласовать это с союзниками. Окончательная редакция «Плана войны 1940 г.», который был подписан Гамеленом 26 февраля, отразила результаты франко-британского компромисса: командование «турецким оперативным театром» было оставлено за турками²⁵.

²³ DDI, ser. 9, v. 3, N 260, p. 224.

²⁴ Villelume P. Journal..., p. 205.

²⁵ La guerre en Mediterranee 1939—1945. P., 1971, p. 245—246.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ACS, MCP	— Archivio Centrale dello Stato, Ministero della Cultura Popolare.
DBFP	— Documents on British Foreign Policy, ser. 3, v. 1—7. London, 1949—1954.
DGFP	— Documents on British Foreign Policy, ser. C, v. 1—6. Washington; ser. D, v. 1—12. Washington, 1949—1960.
DDI	— I documenti diplomatici Italiani, ser. 9, v. 3. Roma, 1954—1965.
FRUS	— Foreign Relations of the United States, 1939, v. 1, 2, 4. Washington, 1955—1956; 1940, v. 1—3. Washington, 1957—1959; v. 1—3. Washington, 1958—1959.
PRO	— Public Record Office.
ДВП СССР	— Документы внешней политики СССР. М., 1971—1977, т. 16—21.
ЦГАОР СССР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции.
ЦДИА	— Централен държавен исторически архив.